

УФИМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ СИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
ПРИ УФИМСКОЙ СЕМИНАРИИ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ,
СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ,
5 РУБ. 50 КОП.

№ 18. 1881. 15 Сентября.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ.
ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

I. *Отъ 24-го іюня—5-го августа 1881 года за № 1387, о продолженіи срока сбора пожертвованій въ пользу болгарскаго колоферскаго монастыря.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 17-го іюня 1881 года за № 2971, о томъ, что Государь Императоръ въ 13-й день іюля сего года Высочайше соизволилъ на продолженіе срока для производства сбора пожертвованій въ пользу болгарскаго колоферскаго Христорожественскаго женскаго монастыря еще на одинъ годъ. Приказали: для напечатанія объ изъявленной Высочайшей волѣ во всеобщее извѣстіе, сообщить въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» установленнымъ порядкомъ.

II. *Отъ 15-го іюля—3-го августа 1881 года за № 1538, о продажъ имуществъ, принадлежащихъ малолѣтнимъ дѣтямъ священно и церковнослужителей.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: докладъ синодальной канцеляріи о томъ, что епархіальные преосвященные, входя, въ порядкъ опекунскаго надзора, на основаніи п. 5 ст. 252 и п. 3 ст. 277 Зак. гражд. 1 ч. т. X св. 1857 г. по прод. 1876 г., въ Святѣйшій Синодъ съ представленіями о продажѣ имущества малолѣтнихъ дѣтей священно и церковнослужителей, въ большинствѣ случаевъ, не сообщаютъ всѣхъ тѣхъ, касающихся означеннаго имущества и ихъ владѣльцевъ, свѣдѣній, которыя необходимы для правильнаго разрѣшенія помянутыхъ представленій: 1) весьма часто епархіальные преосвященные вовсе не поименовываютъ владѣльцевъ имущества, предназначаемаго въ продажу, ограничиваясь общимъ выраженіемъ «наслѣдники такого то», и не указываютъ возраста каждаго изъ нихъ, а между тѣмъ по силѣ вышеприведенныхъ узаконеній, разрѣшеніе Святѣйшаго Синода можетъ быть испрашиваемо на продажу имущества, принадлежащаго лишь лицамъ, не достигшимъ 17 лѣтняго возраста; 2) при испрашиваніи разрѣшенія на продажу имущества, состоящаго въ общемъ владѣніи малолѣтнихъ съ лицами, достигшими 17 лѣтняго возраста, и даже съ лицами совершеннолѣтними, не упоминается о томъ, отобрано ли было на такую продажу согласіе послѣднихъ или попечителей надъ лицами, находящимися въ возрастѣ отъ 17 до 21 года, каково согласіе представляется однако же существенно необходимымъ въ виду требованій ст. 546 и 555 зак. гражд. 1 ч. X т. св. 1857 г. о томъ, чтобы всѣ распоряженія общимъ имѣніемъ дѣлаемы были не иначе, какъ по общему всѣхъ

совладѣльцевъ согласію, а равно — ст. 220 тѣхъ же тома и части, обусловливающей совершеніе лицами, имѣющими отъ роду отъ 17 лѣтъ до 20 лѣтъ съ годомъ, актовъ и сдѣлокъ всякаго рода согласіемъ назначеннаго къ нимъ попечителя; 3) поводомъ къ возбужденію въ установленномъ порядкѣ вопроса о необходимости продажи имущества малолѣтнихъ выставляется ходатайство о семъ одного изъ родителей послѣднихъ, но при этомъ не указывается на то, чтобы родитель этотъ былъ утверждёнъ въ званіи опекуна надъ своими дѣтьми, тогда какъ, на основаніи п. 3. ст. 277 зак. гражд. 1 ч. X т. св. 1857 г. по прод. 1876 г., ходатайство о продажѣ имущества малолѣтнихъ должно исходить именно отъ опекуновъ, на обязанность коихъ законъ возлагаетъ всѣ распоряженія по ввѣренному его опекѣ имуществу, — и отъ дѣйствія сего правила не изъяты, по ст. 294 тѣхъ же тома и части, и опеки, учрежденныя въ лицѣ родителей; 4) испрашивается въ интересахъ малолѣтнихъ разрѣшеніе на продажу состоящаго въ ихъ владѣніи имущества безъ объявленія и удостовѣренія, какимъ законнымъ путемъ дошло имущество къ означеннымъ малолѣтнимъ: при неизвѣстности же сего, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уже по продажѣ имущества оказывается, что оно вовсе не принадлежало тѣмъ лицамъ, для пользы которыхъ испрашивалась его продажа. Приказали: Въ предотвращеніе на будущее время затрудненій, могущихъ возникать при разрѣшеніи поступающихъ въ Святѣйшій Синодъ, на основаніи п. 5 ст. 252 и п. 3 ст. 277 зак. гражд. 1 ч. X т. св. 1857 г. по прод. 1876 г., представленій о продажѣ имущества, принадлежащихъ малолѣтнимъ дѣтямъ священно и церковно-служителей, предписать циркулярно по духовному вѣдомству, чрезъ припечатаніе въ «Церковномъ Вѣстникѣ», о томъ, чтобы въ представленіяхъ Святѣйшему Сиводу, коими испрашивается помянутая

продажа, сообщаемы были въ точности всё вышеуказанныя, относящіяся какъ къ предназначаемымъ въ продажу имуществамъ, такъ и ихъ владѣльцамъ, свѣдѣнія.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

По распоряженію Преосвященнаго Никанора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго, въ Редакціи Уфимскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей открытъ приѣмъ пожертвованій: 1) на сооруженіе храма въ Петербургъ въ память мученической кончины Царя—Освободителя и 2) на памятникъ въ Москвѣ Царю—Освободителю.

Поступившія пожертвованія:

На сооруженіе храма въ Петербургъ

Отъ причта села Березовки, бирскаго уѣзда, 25 р.; отъ казначея уфимскаго успенскаго мужскаго монастыря іеромонаха Тихона 1 р.; отъ причта, церковнаго старосты и прихожанъ села Булгакова, уфимскаго уѣзда, 8 р.; отъ настоятеля златоустовскаго воскресенскаго единовѣрческаго монастыря игумена Іоанна 5 р.; отъ братіи того же монастыря: казначея іеромонаха Филарета 1 р., іеромонаха Николая 1 р., іеродиакона Іоасафа 40 к., монаха Иннокентія 25 к. и монаха Іосифа 25 к.; отъ крестьянъ (по приглашенію того же игумена Іоанна) села Айлина Георгія Леонтьева Привалова 1 р., Николая Георгіева Привалова 50 к., Устиніи Приваловой 30 к., Екатерины Приваловой 25 к., сикіязской волости, села Мясогутова, Терентія Исаева 2 р., Стефаниды Исаевой 2 р., Варвары Поповой 30 к., деревни Рухтиной Θεодора Иванова Чещина 50 к., деревни Озерской Θεодора Яков-

лева Шаламова 1 р., деревни Еланыши Василия Аггеева Трапезникова 1 р. и симской волости, твердышевой казармы, Андрея Иванова Комлева 1 р., итого **51 р. 75 к.**, а съ прежними, за исключеніемъ 200 р., отосланныхъ въ С.-Петербургскую Городекую Управу, для употребленія по назначенію, **121 р. 17 к.**

На памятникъ въ Москвѣ

Отъ причта села Березовки, бирскаго уѣзда, 25 р. отъ казначей уфимскаго успенскаго мужскаго монастыря іеромонаха Тихона 1 р.; отъ причта, церковнаго старосты и прихожанъ села Булгакова 6 р.; отъ настоятеля влатоустовскаго воскресенскаго единовѣрческаго монастыря игумена Іоанна 3 р.; отъ братіи того же монастыря: казначей іеромонаха Филарета 1 р., іеромонаха Николая 1 р. и монаха Иннокентія 15 к.; отъ крестьянъ (по приглашенію того же игумена Іоанна) сикіязской волости, села Мясогутова, Григорія Терентьева Исаева 1 р., Стефаниды Исаевой 1 р. и деревни Озерской Θεодора Шаламова 1 р., итого **40 р. 15 к.**, а съ прежними, за исключеніемъ 200 р., отосланныхъ въ Московскую Городекую Управу, для употребленія по назначенію, **58 р. 28 к.**

Московской Городской Управой въ полученіи ею означенныхъ 200 р. доставлена въ Редакцію Уфимскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей квитанція, отъ 28 августа 1881 г. за № 214.

Отъ уфимской духовной консисторіи подтверждается благочиннымъ уфимской епархіи, чтобы они впредь при представленіи общественныхъ приговоровъ о выборѣ сборщиковъ въ точности исполняли опредѣленіе Св. Синода 16 января сего 1881 года, припечатанное въ № 8 Уфимскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, о томъ, чтобы сборщики были избираемы изъ мѣстныхъ прихожанъ, съ со-

гласія причта и одобренныя мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ со стороны поведенія и благонадежности ихъ, безъ исполненія чего выдача сборныхъ книжекъ производиться не будетъ.

Уфимская духовная консисторія слушала предложеніе Его Преосвященства, отъ 16 мая 1881 года, слѣдующаго содержанія: „Въ одномъ изъ поселковъ бывшаго прихода села Сарсовъ, отдѣленномъ къ приходу села Біяваща, было заявлено намъ всенародно, что новопоставленный священникъ ново-образующагося прихода села Біяваща Аѳанасій Юновидовъ въ прошедшій великій постъ объѣхалъ всѣ деревни и выисповѣдалъ всѣхъ до единой души, отъ стараго до малаго семи-лѣтняго, тогда какъ прежде многіе и умирали, не бывъ у исповѣди и св. причастія во всю жизнь.—”Этотъ священникъ учить, всему учить, истинный учитель,—заявлялъ весь народъ. Предлагаю консисторіи объявить священнику Аѳанасію Юновидову, что я призываю на него благословеніе Господне, съ выраженіемъ моей благодарности за пастырское радѣніе о спасеніи ввѣренныхъ его пастырскому попеченію душъ. О чемъ и прописывать въ послужномъ его, священника Юновидова, списокъ, и объявить чрезъ напечатаніе въ Уфимскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, для свѣдѣнія и подражанія.“ Приказали и Его Преосвященство утвердилъ: Въ исполненіе выше-изъясненнаго предложенія Его Преосвященства, объявить указомъ чрезъ благочиннаго, священника Дмитрія Сатрапинскаго, священнику села Біяваща Аѳанасію Юновидову, что Его Преосвященство призываетъ на него, Юновидова, благословеніе Господне, съ выраженіемъ благодарности за пастырское радѣніе о спасеніи ввѣренныхъ его пастырскому попеченію душъ. О чемъ прописать въ послужномъ его, священника Юновидова, списокъ и объявить чрезъ

напечатаніе въ Уфимскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, для свѣдѣнія и подраженія.

Священникъ сельца Романовки, стерлитамакскаго уѣзда, Гавріиль Сениловъ, согласно резолюціи Его Пресвященства, 10 августа 1881 года переведень въ село Васильевку на вакансію помощника настоятеля, а состоящій при крестовой церкви въ качествѣ послушника дьяческій сынъ Михаилъ Макаровъ, того же числа, командированъ къ исправленію должности втораго псаломщика къ той же васильевской церкви.

Исправляющій должность псаломщика костромской епархіи, села Семилова, Петръ Стрежневъ, по постановленію уфимской духовной консисторіи, 17 августа 1881 года принять въ уфимскую епархію и опредѣленъ къ церкви села Илека, уфимскаго уѣзда, псаломщикомъ, съ возведеніемъ его въ санъ діакона.

Отставной рядовой екатеринодарскаго мѣстнаго баталіона Левъ Евграфовъ Лавровъ, по постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 18 августа сего года, прикомандированъ для исполненія псаломщическихъ обязанностей къ новоостроющейся церкви въ село Кастеево, белебеевскаго уѣзда.

Заштатный діаконъ села Матвѣвки, мензелинскаго уѣзда, Михаилъ Уваровъ, согласно прошенію его и резолюціи Его Пресвященства, 18 августа 1881 года прикомандированъ для исполненія псаломщическихъ обязанностей къ новоостроющейся церкви села Маядыка, бирскаго уѣзда.

Окончившій курсъ въ IV классѣ вятской духовной семинаріи [Александръ Головинъ 26 августа сего 1881

года прикомандированъ къ исполненію псаломщицкихъ обязанностей въ Верхоторскій заводъ, стерлитамакского уѣзда.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

П О У Ч Е Н І Е

въ день усѣкновенія честныя главы честнаго славнаго пророка предтечи и крестителя Іоанна,

Преосвященнаго Никанора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго.

*Праведникъ, аще постигнетъ скончатися, въ покое будетъ. Осудитъ же праведникъ умирающа живуща нечестива. Прем. Солом. гл. 4—5.
Дневная паримія.*

Замѣчательное совпаденіе. По принятому обычаю поминовенія отшедшихъ въ горній міръ высочайшихъ особъ, на кануѣ тезоименитства въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, намъ приходится помянуть его заупокойною молитвою именно сегодня, въ день памяти усѣкновенія честныя главы честнаго славнаго пророка, предтечи и крестителя Господня Іоанна, и въ тоже время въ день годовичнаго заупокойнаго поминовенія православныхъ воиновъ и всѣхъ, за вѣру и отечество на брани животь свой положившихъ. Такъ, безъ сомнѣнія, самъ Богъ устроилъ. И если мы желаемъ приникнуть, вѣрующимъ смысломъ въ

назидающую цѣль такого устройства, то можно думать, Богъ устроилъ такъ конечно потому, что мученическая кончина всѣхъ ихъ, при разностепенной нравственной высотѣ, имѣетъ одинаковый нравственный смыслъ. Не только поминаемые нынѣ православные воины и другіе вѣрные сыны отечества, но и Благочестивѣйшій Государь нашъ Императоръ Александръ II, и даже славный предтеча и креститель Господень Іоаннъ животъ свой положили и кровь свою пролили за вѣру и отечество на брани со врагами отечества. Съ другой стороны на всѣхъ на нихъ, конечно, въ разной силѣ, сбылось и священное слово древняго священнаго мудреца, что *праведникъ, если и ускоритъ скончатися, въ покои будетъ; но умирая онъ осудитъ живущихъ нечестивыхъ*. Такъ это сбылось на крестителѣ Господнемъ Іоаннѣ; это же сбывается и на безвременно скончавшемся мученикѣ Царѣ нашемъ, и на православныхъ войнахъ и на всѣхъ вѣрныхъ сынахъ нашего отечества, животъ свой на брани положившихъ. Нужно ли разъяснять, что св. предтеча, ускоривъ скончатися, проливъ кровь свою рановременно, не болѣе какъ около 32 лѣтъ привременной жизни, переселился въ покой и славу жизни вѣчной? Но разъяснимъ то, что онъ положилъ животъ свой именно на брани, положилъ не только за вѣру, но и за отечество, и умирая безвременно, осудилъ и осуждаетъ нечестивцевъ, которые послѣ него остались въ живыхъ, которые пролили его святую кровь.

Смотрите, какой позоръ! Если бы креститель Христовъ не умеръ своею мученическою смертію, то вѣроятно исторія не назвала бы даже имени какого-то Ирода Антипы. А теперь это лицо вѣковѣчно историческое, правда, но покрытое въ исторіи вѣковѣчнымъ стыдомъ. Чистая же кровь предтечи, какъ вѣчно немеркнущая зарница, освѣщаетъ вѣковѣчно нравственное безобразіе это-

го Ирода пророко-убійцы. Смотрите, этотъ Иродъ Антипа, сынъ безславнѣйшаго изъ отцовъ, Ирода великаго, тетрархъ, мелкій царь Итуріи и Перей, равнявшійся съ великими современными ему царями развѣ только по порокамъ и злодѣйствамъ, жалкій властелинъ своей маленькой страны, жалкій трусливый рабъ римскаго цезаря, ѣдетъ туда въ столицу міра Римъ на поклонъ. Обитатель и строитель роскошныхъ дворцовъ въ своей землѣ, тамъ въ столицѣ міра онъ небогѣ, какъ постоялецъ у своего роднаго брата Ирода Филиппа, который, будучи лишонъ наслѣдства отцомъ, проживалъ въ Римѣ частнымъ человѣкомъ. Тамъ онъ попадаетъ въ сѣти жены своего роднаго брата Филиппа, дочери другаго роднаго брата Аристовула, значить родной своей племянницы Иродіады; или самъ уловляетъ ее въ сѣти разврата. Оба они уже не могли извинить себя увлеченіемъ юности. У Иродіады отъ Филиппа была уже взрослая дочь Саломія. Признательный Филиппу за гостепрѣимство Антипа платитъ ему тѣмъ, что и окончательно увозитъ у него жену, теперь уже свою наложницу, по родственнымъ связямъ свою родную сестру—невѣстку, свою родную племянницу. Укралъ ли онъ ее или выторговалъ у мужа—брата? Безъ сомнѣнія, было одно изъ двухъ, иначе братъ Филиппъ имѣлъ полную возможность предъявить свои священныя и предъ римскимъ судомъ права мужа и отца; но не видно, чтобы предъявлялъ. А братъ Антипа увезъ у Филиппа не только жену Иродіаду, но за одно уже кстати и дочь Саломію. Вѣрнѣ всего, что выторговалъ у мужа и отца жену и дочь. Чѣмъ же онъ подкупилъ ихъ самихъ, и ту и другую? Ужели одной нимало не дорогъ былъ мужъ, съ которымъ она уже не мало лѣтъ жила, отецъ ея уже взрослой дочери, а другой даже родной отецъ? Да честь быть наложницей царя, хоть и мелкаго, дороже для жены. Да приманка блистать кра-

сотою въ царской роскоши, хоть и въ ложномъ положеніи, дороже для дочери, чѣмъ жить въ честной бѣдности у полу—изнанника отца. И заблестѣли обѣ яркими кровавыми звѣздами на немеркнущемъ горизонтѣ исторіи. Впрочемъ Антипа подкупалъ Иродіаду обѣщаніемъ и жениться на ней, не для того конечно, чтобъ освятить бракосочетаніемъ совершенно нечестивый бракъ съ женою отъ живаго мужа—брата, а чтобы только скрѣпить торжественнымъ заключеніемъ брачнаго союза выгоду, за которую продавали себя мать и дочь. У Антипы давно уже была своя законная жена, дочь арабскаго владѣтеля Ареы, сильнаго и грознаго сосѣда. Но у связаннаго чувственностью или интригою Ирода Антипы грѣхъ за грѣхомъ, легкомысліе за легкомысліемъ. Какъ должна была отнестись къ подобному посягательству на священнѣйшія свои права законная жена, царская дочь? Что долженъ былъ сдѣлать въ защиту чести дочери и своей собственной тестя арабскій царь, дочери котораго грозилъ позоръ развода въ угоду вывезенной наложницы? Антипа не думаетъ о томъ. Не думаетъ, сколько крови его подданныхъ прольется за его легкомысленную сладострастную прихоть; не думаетъ, сколько жизней будетъ погублено, сколько благосостояній разрушено, сколько весей и городовъ будетъ уничтожено въ удовлетвореніе мести раздраженнаго тестя его. Дѣйствительно Ареа наказалъ его жестокимъ пораженіемъ и разрушеніемъ городовъ. А развратному малодушному Антипѣ что отъ этого? Развѣ больно? Поражали его подданныхъ, разрушали жилища его подданныхъ. Самъ же Антипа скрылся и пируетъ въ одномъ изъ своихъ раззолоченныхъ дворцовъ, съ своими славными побѣдоносными соратниками.

Конечно, и туда доходилъ до слуха развратнаго мелкаго тирана глухой ропоть его подданыхъ. Но выдавался надъ всѣми одинъ громкій голосъ, который тер-

валъ его совѣтъ и не хотѣлъ умолкнуть. То былъ голосъ предтечи Христова. Мы говорили, что предтеча Господень пролилъ кровь свою на брани. Да, то была брань самаго высокаго качества, брань, въ которой одинъ выходилъ противъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ, противъ очень многихъ, противъ безчисленныхъ враговъ, противъ всего этого растлѣннаго фарисейства, саддукейства, противъ неправаго, жестокаго, всѣхъ обижавшаго, на всѣхъ клеветавшаго, вѣчно недовольнаго своими оброками тогдашняго военнаго сброда, противъ огрубѣлаго въ своемъ невѣжествѣ и ожесточеннѣи сердца народа, противъ наконецъ Ирода царя, царя ничтожнаго по могуществу власти сравнительно съ величіемъ римскихъ цезарей, но по жестокости, подозрительности, по коварству равнаго всѣмъ тогдашнимъ деспотамъ. И враги эти вооружены были всякаго рода оружіемъ противъ одного, противъ праведника, пророка, предтечи Господня, который поражалъ ихъ до глубины мозговъ только своимъ громоноснымъ словомъ, который силенъ былъ только своимъ безстрастіемъ, самоотверженіемъ и благодатною помощію до уреченнаго дня. Но какъ только настала этотъ уреченный день, какъ только предтеча Господень уготовалъ своею громовою проповѣдію, громовымъ гласомъ въ пустынѣ, нѣсколько уравниный путь грядущему на землю Господу, часъ свѣтенія этого великаго пустыннаго свѣточа прошелъ, а пробилъ часъ погаснуть для земли, чтобъ загорѣться уже для горняго міра. Этотъ самый ничтожный Иродъ Антипа скрылъ этотъ небесный свѣтильникъ сперва во мракѣ темницы. За тѣмъ, за что? За тоже, за свой собственный грѣхъ, за *Иродиаду, жену Филиппа брата своего*,—свидѣтельствуется Евангеліе,—*потому что женился на ней, потому что Іоаннъ говорилъ Ироду: не должно тебѣ имѣть жену брата твоего* (Марк. 6, 17); за то, что надъ ропотомъ народа царилъ приговоръ про-

рока о беззаконіи развратнаго сожителства Ирода съ Иродіадою. По взгляду Ирода, такое мужество пророка равнялось преступленію, которое достойно было, по крайней мѣрѣ, пожизненнаго заключенія въ темницѣ. По взгляду Ирода, пророкъ за это достоинъ былъ даже смертной казни, почему Иродъ и хотѣлъ убить его; если же не убилъ, то только потому, что боялся народа, потому что Иоанна почитали за пророка. Сама же Иродіада, злобясь на него, еще пламеннѣе, еще настойчивѣе желала убить его, но не могла потому, что не попускалъ Иродъ, боясь не только народа, но и самаго Иоанна, его мести, зная, что онъ мужъ праведный и святой; почему и берегъ его, берегъ въ темницѣ отъ своей собственной беззаконной жены. Выходило такимъ образомъ, что Иродъ, заключивъ Иоанна въ темницу, былъ даже правъ въ своей лицемѣрной совѣсти, потому что дѣлалъ даже хорошее дѣло, видите, даже берегъ пророка отъ злобы своей жены. Этого мало. Этотъ великодушный Иродъ удостоилъ Иоанна даже высокой чести сдѣлать его своимъ собесѣдникомъ, доставивъ этимъ и себѣ особаго рода удовольствіе. Между прочими качествами въ характерѣ Ирода была большая доля пока еще не потухшаго, не совершенно охладѣвшаго къ запросамъ души любопытства, которое заставляло его жадно справляться съ истинами религіи, которыя такъ явно нарушались имъ въ его обыденной жизни. Онъ сталъ призывать къ себѣ Иоанна для бесѣды. Подобно новому Иліѣ предъ другимъ Ахавомъ, сосредоточенный и важный пустынножитель являлся безбоязненно предъ нечестивымъ царемъ. Слова его, слова истины и справедливости, разсужденіе о праведной жизни, умѣренности и будущемъ судѣ, жгучимъ пламенемъ пожирала грубую и ледяную совѣсть царя. Иродъ выслушивалъ пророка съ смутной и слабой надеждой на исправленіе, слушалъ его даже въ сладость; кое въ чемъ даже

слушался голоса пророческаго и даже многое исполнять по его указанію. Но существовало одно, чего онъ не хотѣлъ, а можетъ быть, даже увѣрилъ себя, что и не могъ сдѣлать, бросить преступную связь, которая опутала его, или боялся отпустить высокомерную, властолюбивую и злобную женщину, которая управляла его жизнію, бояся ея мести. Но неліцемерный пророкъ утверждалъ одно: *не должно тебѣ имѣть ее*. Не разъ проводили блѣднаго истощеннаго заключеніемъ и оковами узника до палатъ царскихъ, и хотя онъ былъ твердо увѣренъ, что къ нему питають вражду непримиримую, что его отведутъ снова въ его уединенное заключеніе, что онъ окончательно выйдетъ изъ темницы развѣ только чрезъ врата смерти, однакоже онъ не колебался ставить предъ лицомъ опаснаго властелина великое слово: *не должно*. Величайшее мужество въ мірѣ, высшее всякой боевой храбрости,—такъ какъ на войнѣ люди сражаются поддерживаемые общимъ сочувствіемъ отечества,—величайшее мужество въ мірѣ—это мужество такъ называемое гражданское, когда великій гражданинъ, мудрецъ, священнослужитель, пророкъ говорятъ истину горькую царямъ и царедворцамъ, горькую народнымъ толпамъ, при общемъ несочувствіи и враждѣ даже до смерти. Потому то храбрость на войнѣ составляетъ явленіе столько же общее, сколько открытое мужество гражданское—явленіе въ обыкновенныхъ людяхъ, безъ помощи благодатной силы, слишкомъ рѣдкое. Но и по этому мужеству болѣе Іоанна предтечи не воста въ рожденныхъ женами. Онъ оказался завершеніемъ мученичества ветхозавѣтнаго и верховнѣйшимъ первоначаломъ христіанскаго. На грани ветхаго и новаго завѣтовъ онъ сталъ за истину Божию даже до крове, какъ передовой ратоборецъ царства Божія.

Смотрите далѣе, этотъ ничтожный Иродъ, будучи ца-

ремь еврейскимъ, держался и вѣроисповѣданія по имени еврейскаго, а въ сущности никакого. Какъ и современные намъ безъисповѣдники, онъ руководствовался не предписаніями религіи, не нравственными правилами, а только модными обычаями и хитрыми лицемѣрными расчетами плыть по теченію. Вотъ онъ и на еврейскую пасху пріѣзжалъ въ Іерусалимъ, но только за тѣмъ, чтобы сдѣлать вѣжливость Пилату, показаться архіереямъ и народу и наругаться надъ Христомъ. Въ сущности онъ былъ хуже язычника, какъ и многіе наши современники. Какъ раболѣпный поклонникъ гордаго язычества, онъ ввелъ при дворѣ своемъ языческій обычай праздновать день рожденія. Подражая обычаю римскихъ и восточныхъ деспотовъ, онъ въ этотъ торжественный день сдѣлалъ пиршество всему своему двору, всѣмъ своимъ приближеннымъ. Богатство, изысканная архитектура дворцовъ, общее стремленіе Иродовъ выставить себя напоказъ, служили достаточнымъ ручательствомъ того, что на этомъ пиру не было недостатка ни въ чемъ, что только могли выставить роскошь и царская представительность. Достаточно сказать, что этотъ пиръ, безъ сомнѣнія, былъ похожъ на тѣ ужасныя оргіи, которыя согласовались съ развратными обычаями римской имперіи того времени и соединяли въ себѣ римское обжорство съ греческою чувственностью. Но коварная Иродіада задумала при этомъ угостить царя неожиданнымъ и возбуждающимъ страсти удовольствіемъ,—зрѣлищемъ, которое должно было восхитить такихъ гостей, какъ иродовы. Танцовщики и танцовщицы были тогда въ большомъ ходу, и танцы нерѣдко сопровождались безстыдными пантомимами—представленіями. Настоящій роскошный праздникъ не былъ бы полонъ, если бы не кончился роскошью подобнаго возбудительнаго зрѣлища. Между тѣмъ Иродіадѣ нужно было усыпить колеблемую проповѣдью пророка совѣсть

Ирода и возжечь холодѣющее къ ней съ лѣтами и возрастающими затрудненіями сердце царя. И вотъ мать вводитъ въ безнравственный заговоръ свою родную дочь, допустимъ, что и не объясняя ей своихъ тайныхъ цѣлей. Когда пиръ приходилъ къ концу, когда гости уже насытились и напились, Саломія, дочь Иродіады, тогда еще цвѣтущая молодостью и красотою, исполнила театральнѣй танецъ предъ собраніемъ этихъ иродовыхъ гостей. *Она вошла, плясала и угодила Ироду и возлежавшимъ съ нимъ.* Иродъ же, какъ новый Ксерксъ, въ чаду пьянаго удовольствія, при восторгахъ пресыщенной пьяной толпы пирующихъ, клянется развращенной дѣвицѣ дать ей все, чегобъ она ни попросила, даже до полуцарствія,—до половины царствія, которое не равнялось нашему уѣзду.

То естественно, что дочь бѣжитъ къ матери спросить, чего просить. Но можно подозрѣвать, что она предчувствовала пока еще невысказанную ужасную просьбу матери и уже напередъ готова была послужить орудіемъ этого ужаса. Мать давно уже задумала умертвить пророка предтечу, да только не могла и, вѣроятно, неразъ высказывала свою ярость, свои угрозы противъ св. предтечи. Вѣроятно дочь угадывала завѣтную думу матери; могла слышать даже ея угрозы, и по всему видно, сочувствовала ея убійственному замыслу. Но вотъ мать дѣйствительно диктуетъ свою ужасную просьбу своей единственной родной дочери, именно просить, въ этомъ счастливомъ для нихъ случаѣ, голову Іоанна Крестителя. И за что? За то, что эта святая глава оуждала преступную связь матери въ прошедшемъ и грозила разорвать въ будущемъ,—связь матери, бросившей отца дочери для развратника девера. И мать вводитъ дочь, юную дѣвицу, во всѣ эти мерзости, и вводитъ какъ ужаснѣйшее орудіе къ ихъ защищенію и поддержанію. Вообразите всю

глубину этого противо—естественнаго разврата. Хороша мать. Но еще не лучше ли дочь? Развратъ, какъ и все живое на свѣтѣ, извѣстно развивается и растетъ. И вотъ эта обольстительная юность спѣшитъ назадъ въ залу, гдѣ минуту назадъ прельстила всѣхъ своими танцами, и просить,—иѣтъ, не просить, заручившись торжественною клятвою царя, а приказываетъ: *дай мнѣ здѣсь сейчасъ же, при всѣхъ свидѣтеляхъ твоей клятвы, на этомъ блюдѣ главу Иоанна Крестителя...* Мать говорила: *проси голову Иоанна Крестителя.* А дочь, пылая омерзительнѣйшею ревностью, усиливаетъ просьбу: *сейчасъ же дай здѣсь же на блюдѣ голову...* Назовутъ ее кровожадною? Пусть назовутъ, она не стыдится быть не только кровожадною, а даже людоедкою: *дай мнѣ на блюдѣ..* Что ваши кушанья?! Вотъ пиршественное блюдо, въ моихъ рукахъ!!.. Всѣ эти гости, эти заматорѣлые злодѣи—не болѣе, какъ нѣжные дѣти предъ этою прелестною дѣвицею, предъ этою Перовскою древности... *И печаленъ бысть царь,*—говорить Евангеліе. Ахъ, какая жалость! Ахъ, что вышло изъ этой забавной потѣхи? Впрочемъ, было падѣ чѣмъ и серьезно задуматься, и тяжело опечалиться: предлежало учинить возмутительнѣйшее злодѣяніе, убить невиннаго и святаго, раздражить народъ, наконецъ, испортить впечатлѣніе праздника, облить неповинною кровью собственный день рожденія. Можно было глубоко опечалиться не только по чувству правды, еще не вполне угасшему, по страху суда Божія, по страху грозы человѣческой, а даже изъ суевѣрія, изъ боязни крававо—мрачнаго предзнаменованія въ собственный день рожденія, изъ страха къ этому переходу отъ пира и потѣхи къ пролитію человѣческой крови... Вѣдь это было хуже вальтасаровскаго пиршества. Но нечего дѣлать, поклялся, поклялся предъ всѣми совозлежащими. Не измѣнять же царю своей клятвы, хотя бы и ничтожному. Проду Антипѣ, хотябъ это и

стоило головы человѣку невинному, человѣку обещанному, святому, праведному, уважаемому самимъ Иродомъ. Ему оставалось выбрать между нарушеніемъ двухъ долговъ: или нарушить вѣрность своему клятвенному слову, или посягнуть на неприкосновенность чужой жизни. Въ первомъ случаѣ пострадало бы его самолюбіе: какъ! Иродъ Антипа поклялся и не исполнилъ. Боже мой! Тысячи обѣтовъ не исполняются. Тотъ же Иродъ Антипа нарушилъ обѣтъ супружеской вѣрности своей законной женѣ! Тотъ же Иродъ Антипа нарушилъ святой долгъ не посягать на чужую жену, на жену своего брата! И нарушилъ и посягнулъ. А чужая голова чего же она стоитъ? Отрубить ее—велика важность. Потерять голову Іоанну предтечѣ и подвергнуться насмѣшкамъ ему, Ироду Антипѣ,—какое сравненіе?! Можноль тутъ задумываться надъ выборомъ?! Да и гости, *совозлежащіе* подсказываютъ болѣе легкій выборъ, болѣе легкій выходъ изъ печальнаго затрудненія. Какъ Пилать въ послѣдствіи умылъ руки предъ народомъ, очищая свою совѣсть отъ вины, такъ и здѣсь Иродъ показалъ видъ печали предъ гостями, самъ Иродъ, самъ царь опечалился,—чего же больше?! Какое нужно еще удовлетвореніе общественной совѣсти?! Значить, чистъ и правъ предъ Богомъ и людьми, поступилъ такъ по необходимости, связавъ себя клятвою. Жаль конечно, истинно жаль. *И печаленъ бысть царь.* Тѣмъ не менѣе, въ ту же минуту онъ послалъ оруженосца въ темницу, и такимъ образомъ, по приказанію развратнаго лукавства, въ угожденіе омерзительной фантазіи безстыдной дѣвицы, топоръ палъ или мечъ просвистѣлъ въ воздухѣ, и голова славнѣйшаго изъ пророковъ была усѣчена. Въ темничной оградѣ одиноко совершилась казнь. У простаго зрителя отнялось бы слово, а исполнитель казни, приближенный къ царю воинъ оруженосецъ, усердно испол-

нивъ отвратительную должность палача, угрюмо вышла на свѣтъ, неся за волосы эту святую голову, и во всемъ кровавомъ ужасѣ недавней смерти положивъ на блюды съ царскаго стола, вошелъ съ этимъ кровавымъ блюдомъ въ пиршественную залу и вручилъ его юной царевнѣ танцовщицѣ при Иродѣ царѣ и при всѣхъ. Что ощутилось при этомъ въ сердцахъ, что выразилось на лицахъ всѣхъ присутствующихъ, гостей, прислуги?.. Что почувствовалось въ сердцахъ, что отпечатлѣлось при этомъ на лицахъ по прошествіи этого ужаснаго полу-часа, когда всѣ въ пиршественной залѣ каждую минуту могли и должны были ждать, что прекрасная царевна вотъ—вотъ кинется названному отцу-царю на шею съ истерическими рыданіями и мольбою: «не надо, не надо, отецъ, это ужасно, это нестерпимо»? Но эта прекрасная юность неумолимо выдержала себя, выдержала то, что безъ сомнѣнія было невыносимо для мужскихъ зачерствѣлыхъ сердець; быть можетъ, и дрожащими руками, но рѣшительною волею, взяла блюдо съ теплою, еще сочившею кровь головою и омерзительно страшная, какъ языческая мегера, какой и свѣтъ другой не видалъ, отнесла ужасную ношу къ своей матери, ужасной матери достойная дочь, омерзительной семьи отвратительный выродокъ.

Скажите теперь, что мы знали бы объ этихъ омерзительныхъ ничтожествахъ, этой Саломіи, этой Иродіадѣ, этомъ Антипѣ, одномъ изъ Иродовъ, достойнѣйшемъ изъ сыновъ своего коварнокровожаднаго Ирода отца, если-бъ они не учинили своего омерзительнаго преступленія? А теперь имена ихъ—подъ клятвою у всего христіанства, пока будетъ существовать христіанство, т. е. до кончины вѣка, да и по кончинѣ вѣка будутъ подъ проклятіемъ вѣчнымъ, если не умолить за нихъ кровь предтечи, какъ кровь Авеля молить за Каина. Такъ то великій праведникъ, ускоривъ скончаться, осудилъ

своею смертію живущихъ нечестивыхъ. Но какую пользу принесла его смерть вѣрѣ и отечеству? Да вся жизнь его, запечатлѣнная мученическою кончиною, была служеніемъ истинѣ Божіей, истинной вѣрѣ своего Богоизбраннаго народа, истинной вѣрѣ всего будущаго человечества. Самая смерть его была ужаснымъ, но высоко—назидующимъ урокомъ, показавъ его народу, до какихъ ужасовъ, до какого развращенія нравовъ, до какого разложенія истинной народной жизни дожилъ этотъ Богоизбранный народъ. Не говоримъ о развѣдавшемъ этотъ народъ фарисействѣ, саддукействѣ и т. д. Возьмемъ хоть этотъ самый пиръ. Вѣдь на немъ же пиروвали старѣйшины народа съ царемъ во главѣ. Вѣдь среди этого народа возможенъ же сталъ такой царь, совершенно чуждый всякихъ доблестей и блиставшій всякими пороками. Вѣдь возможенъ же сталъ этотъ пиръ цѣлыхъ сотенъ представителей народа съ головою на столѣ, на блюдѣ, въ рукахъ у царевны, въ рукахъ у ея матери, для обезпеченія ея возмутительнѣйшаго кровосмѣшенія! И никто изъ этихъ сотенъ, изъ этихъ тысячъ представителей подавленнаго народа не сказалъ ни слова противъ такого сцѣпленія вопіющихъ злодѣйствъ, противъ такого омерзительнаго зрѣлища на самомъ пиру, въ царскомъ дворцѣ, въ день рожденія царя. Очевидно было для всѣхъ, имѣющихъ очи видѣти, что уже сѣкира при корени сего народнаго дерева лежитъ. Оставалось только срубить его и сжечь, какъ неплодное на добро. Съ другой стороны святая кровь предтечи стала святымъ сѣменемъ христіанскаго мученичества, сѣменемъ, изъ котораго выросло новое дерево истинной церкви Божіей,—дерево, къ которому привились многія вѣтви и тогдашняго плотскаго израиля. Не исчерпаешь глубины судебъ Божіихъ.

Не можемъ ли, не должны ли мы сказать нѣчто по-

добное же и о нашемъ мученикѣ—царѣ? Онъ умеръ за вѣру,—это всего яснѣе видно изъ того, что онъ убить невѣрными, злодѣями, которые отреклись отъ Бога и отъ Христа и отъ свято—отеческой вѣры. Онъ умеръ за отечество? Да, умеръ какъ царь, стоя на ногахъ, исполняя свой царственный долгъ, сохраняя свое царственное положеніе, дѣлая въ послѣднюю минуту дѣло царственного милосердія, отечески озаботившись горькою участію тутъ же у ногъ его положившихъ животъ свой за царя. Умеръ, какъ первый подвижникъ ратоборецъ своего царства. Въдъ если бы онъ хотя тысячною долею походилъ на какого либо Антипу, по робости, по чувству самохраненія, онъ ускакалъ бы. Это было легко; это было даже должно потому, что царь обязанъ хранить свою жизнь для покоя и блага народа. Но онъ взглянулъ прямо въ лицо смерти, давно зная, какъ оказывается, что часъ его скоро пробѣтъ, что дни его сочтены. Нужно ли нашей вѣрѣ разъясненіе, что онъ наслѣдовалъ вѣчный покой въ небесной славѣ, когда мы не видѣли и не знаемъ болѣе трогательной, болѣе величественной, болѣе прекрасной смерти царей, даже христіанскихъ царей? А вотъ что поразительно,—смысль дневной париміи, которая и дала намъ мысль для настоящей нашей бесѣды. Эта паримія написана именно на смерть нашего мученика царя. Прислушайтесь.

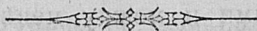
Праведникъ, если и рановременно умретъ, переселится въ вѣчный покой. Но праведникъ умирая осудитъ живыхъ нечестивыхъ. Оглянитесь назадъ, сколько ужасовъ, сколько нравственныхъ безобразій, привела въ сознаніе, вписала въ исторію человѣчества невинно—пролитая кровь предтечи, или невинно—пролитая кровь Богочеловѣка Христа? Думаете ли вы, что и кровь нашего мученика царя не впишетъ въ исторію кровавыми чернилами нравственныхъ безобразія нашего вѣка и народа, нашего по-

колѣнія, нашей такъ называемой интеллигенціи? Безъ этой мученической кончины эти безобразія, конечно, предстали бы суду Божию; но вѣроятно, болѣе или менѣе укрылись бы отъ суда исторіи. Теперь же исторія нашего поколѣнія будетъ горѣть не только доблестями, не только блескомъ всего того, что сдѣлано великаго и прекраснаго въ прошедшее великое царствованіе, но и кровавымъ блескомъ нашего позора и позора погибельнаго. *Люди увидятъ кончину праведнаго,—продолжаетъ священный мудрецъ,—и уничтожатъ его, но Господь посмѣется имъ.* Господь храни насъ отъ этого Господня посмѣянія. Господь сохрани насъ и отъ слѣдующей угрозы. *И послѣ сего будутъ они безчестнымъ трупомъ и позоромъ на вѣкъ. Въ сознаніи грѣховъ своихъ они предстанутъ на судъ Божій со страхомъ и беззаконія ихъ осудятъ ихъ въ лице ихъ... И раскаяваясь и въздыхая отъ стѣсненія духа, будутъ говорить сами въ себѣ: мы заблудили отъ пути истинны и свѣтъ правды не свѣтилъ намъ, и солнце не озаряло насъ. Мы преисполнились дѣлами беззаконія и погибели, и ходили по пустынямъ непроходимымъ, а пути Господня не познали.* Не свѣтитъ ли намъ зарево невинно пролитой крови мученика царя, указывая, что отъ пути истинной вѣры мы заблудили? Что свѣтъ правды не озаряетъ насъ, не смотря на ново-устроенные суды? Что солнце крѣпкой народной нравственности слабо грѣетъ насъ, потухая надъ омраченными головами нашими? Что мы путь Господень забываемъ, а начинаемъ ходить по пустынямъ непроходимымъ, преисполняясь дѣлами беззаконія и всенародной погибели? Что наше маловѣріе, наша нравственная распущенность, хищничество, развратъ плодятъ и воспитываютъ въ нашихъ дѣтяхъ тысячи Саломій, готовыхъ на всякую мерзость, довольно уже готовыхъ потребовать, положить на блюда и если не самимъ съѣсть, то выкинуть кому либо на съѣденіе

наши собственные головы. Тяжко слово, а въ какой степени оно ложно? Вотъ вопросъ. Потому что *если съ зеленѣющими древоми такъ поступили, то съ сухими что будетъ?* Если не пожалѣли крови благодуннѣйшаго и благотворнѣйшаго изъ царей, то пожалѣютъ ли другихъ? Въ зернѣ, которому Богъ пока не даетъ развиться, это вѣрно. Тревожное время.

И не только мученика царя, но и всѣхъ воиновъ безвремененно пролитая кровь вопіетъ отъ земли на небо, вопіетъ противъ зла, за которое они побиты; вопіетъ противъ зла, если таковое подвигло ихъ на кровавое побоище, если подвигло ихъ туда чужое честолюбіе или вредная для отечества, для высшей правды политика; вопіетъ, чтобы правда Божія стерла неправду человѣческую съ лица земли и отплатила нечестію, невинно безвременно пролившему кровь ихъ; вопіетъ, вознося *тысячи тысячъ воплей къ престолу Бога Вседержителя: доколь, Владыко святыи и истинный, не судиши и не мстиши крови нашей отъ живущихъ на земли* (Апок. 6, 10)?

Помолимся объ упокоеніи духа ихъ въ обителяхъ небесныхъ, чтобы кровь ихъ, кровь побитыхъ нашихъ братьевъ Авелей вопіяла къ правдѣ, милости и премудрости Божіей о спасеніи нашемъ, и очищеніи русской земли отъ сѣмени и племени Каиновъ, чтобы наши внутренніе враги не помогали нашимъ внѣшнимъ врагамъ въ стремленіи втоптать насъ въ прахъ земной, для удобренія нашей обширной земли, на которой они будутъ сѣять для себя хлѣбъ, котораго теперь имъ не достаетъ, отчего они и грызутъ свои зубы на насъ. Аминь.

ДОВОРОЕ СЛОВО

Воспитанникамъ духовныхъ семинарій и академій по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій.

(Продолженіе). (*)

VI.

У Іудеевъ въ ученіи полагалось все, внѣ ученія—ничего. Добродѣтель и грѣхъ, добро и зло, правда и неправда, должное и недолжное, чистое и нечистое—все опредѣлялось у нихъ сложною сѣтью правилъ, предписаній и толкованій, составлявшихъ ученіе закона. Вспомните строгій законъ субботы, запрещавшій, по мнѣнію ученыхъ, исцѣлять отъ болѣзни въ субботу, вспомните правило объ отнятій имуществва у родителей подь предлогомъ дара. Гордость и лицемѣріе книжниковъ и фари́сеевъ были—гордость и лицемѣріе ученія, науки. Самую вѣру въ единого Бога, составлявшую основное качество еврейскаго народа, превратили они въ *ученое понятіе* о Богѣ, и ко всякому челоуѣку не ученому въ законѣ, не прошедшему школы, относились съ презрѣніемъ. Послушайте, какъ говорятъ они о народѣ, о *своемъ* народѣ: «Народъ сей иже не вѣсть закона, прокляти суть.» Въ дальнѣйшемъ развитіи науки, въ кабаль, въ ученіи талмудистовъ—повторяется, еще усиливаясь, тотъ-же духъ еврейства; а въ наше время духъ этотъ господствуетъ. Въ немъ—корень новѣйшаго раціонализма, и объясненіе того, почему въ наши дни еврейство, т. е. ученіе и воспитаніе *випъхристіанское* такъ неразрывно слилось съ ученіемъ раціонализма и безвѣрія и придало ему такую силу и такъ содѣйствовало его распространенію.

Это гордое заблужденіе распространилось нынѣ повсюду—и между учеными и между невѣждами, повторяющими чужія рѣчи. Знаніе есть сила: кто станетъ спорить

(*) См. Уфим. Епарх. Вѣдом. 1881 г. № 17.

противъ этого? Но новѣйшій рационализмъ утверждаетъ, что это сила верховная, господственная—и въ нея не признаетъ ничего. «Учите, проповѣдуетъ онъ—и узнаете все—есть ли Богъ и что такое Богъ. Что такое грѣхъ? Заблужденіе разума, а не преступленіе воли. Просвѣщайте разумъ, докажите, что грѣхъ есть неразуміе, и грѣхъ исчезнетъ изъ сознанія, слѣдовательно изъ міра. Политическая экономія—научить васъ добродѣтели, замѣнить знаніемъ—доблесть общественную. Знаніе анатоміи—замѣнить вамъ совѣсть, воздерживающую страсти. Учите, просвѣщайте—въ знаніи пробный камень того, что зовутъ истиною духовной жизни. Когда анатомія усовершенствуется свои приемы и методы—сѣченія и изслѣдованія, когда успѣетъ опредѣлить въ точности связь каждаго ощущенія и чувства съ тою или другою частью мозговой и нервной ткани, тогда мы будемъ знать, что такое религіозное чувство, что такое душа въ человѣкѣ и есть ли гдѣ мѣсто безсмертію. Съ помощью химіи мы откроемъ основное начало жизни и узнаемъ, гдѣ начало творенія—въ творческой или волѣ Божества или въ силахъ матеріи».

Вотъ ученіе новѣйшаго матеріализма. Нынѣ оно разлито всюду: ученые и невѣжды, умные и глупые заодно повторяютъ натверженные его положенія. Цѣлыя изданія посвящены его распространенію.—На бѣду нашу—и вашу есть такіа и въ Россіи. Есть простыя души, которыя безсознательно воспринимаютъ его и повторяютъ фразы о господственномъ значеніи знанія въ человѣчествѣ. Есть вѣрующія души, которыя принимаютъ на вѣру эти рѣчи, и не подозревая, что въ нихъ таится ядъ безвѣрія, что онѣ исходятъ изъ ученія, преисполненнаго лжи и гордости. Отсюда то невыразимое презрѣніе, съ которымъ сторонники этого ученія относятся къ народу, который задумываютъ просвѣщать *знаніемъ*: круглые не-

вѣжды, не имѣющіе въ сущности никакого знанія,—идутъ въ народъ—внушать ему, въ видѣ знанія—мнимые результаты знанія, т. е. отрицаніе духовной жизни, отрицаніе вѣры и совѣсти, отрицаніе—порядка и повиновенія властямъ. Подъ маскою фразы о любви къ народу, они въ сущности презираютъ народъ, не зная его; въ душѣ у нихъ то же фарисейское слово: народъ сей иже не вѣсть закона, прокляти суть

Гдѣ же ключъ къ истинному знанію? Слушайте, что—не я говорю—говоритъ Христось Спаситель,—и *всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ* гласа Его.—Онъ говоритъ: «Аще кто хочетъ волю Его творити, разумѣть о ученіи, кое отъ Бога есть или Азъ отъ себе глаголю».

Вотъ гдѣ начало истиннаго знанія, просвѣщающаго человека—послушаніе закону Господню, стремленіе осуществлять его въ себѣ и въ жизни, въ правду.

Замѣьте какое слово сказано: *разумѣетъ*. Разумѣніе не есть ни мнѣніе, ни то, что называется на ходячемъ языкѣ убѣжденіемъ. Отъ многихъ людей, не имѣющихъ ничего своего, вы услышите: это мое *мнѣніе*, это мое *убѣжденіе*. То и другое большею частью ловится на вѣтеръ и схватывается на вѣру, и то и другое легко соединяется съ тщеславіемъ и гордостью. Не такъ легко дается разумѣніе или внутреннее вѣдѣніе и ощущеніе истины. Ни своеволіе мысли, ни гордое самолюбіе не совмѣстны съ разумѣніемъ истины—и въ наукѣ и въ жизни. Прислушайтесь въ наукѣ къ пререканію мнѣній между партіями. Отъ чего происходитъ, что люди склоняются почти всегда къ тому мнѣнію или выводу, къ которому влечетъ ихъ духъ партіи или школы? Отъ того, что на нихъ дѣйствуютъ чувства всеѣмъ стороннія съ истинной: интересъ, тщеславіе, страхъ показаться невѣрнымъ или непослѣдовательнымъ, желаніе идти за одно съ своими и т. под. Надобно отрѣшиться отъ стороннихъ побужде-

ній, чтобы расчистить себѣ дорогу къ разумѣнію истины.

Въ жизни—это еще явственнѣе. Вы слышите нынѣ часто отъ людей, и конечно самими повторяете, когда спрашиваютъ: зачѣмъ ты это говоришь, зачѣмъ ты это дѣлаешь? слышите такой отвѣтъ: таково мое *убѣжденіе*. У всякаго это слово: *убѣжденіе*, стало ходячимъ словомъ—но оно по большой части есть не что иное какъ *праздное* слово, безсознательно произносимое. Молодость воспріимчива; инстинкты самолюбія и тщеславія просыпаются рано; всякому хочется заявить себя оригинальностью. И такъ—попалась на глаза книга, въ которой мы вычитали новую для насъ мысль, новое для насъ сужденіе, встрѣтили новый взглядъ; намъ пріятно сразу усвоить его, чтобы съ нимъ подняться на высоту міросозерцанія, и выступить судьей жизни и людей; встрѣтился намъ человѣкъ, прежде того усвоившій себѣ—тѣмъ же путемъ—такое же сужденіе или такую же теорію—и вотъ мы выступаемъ на житейскій рынокъ съ этимъ словомъ: таково мое *убѣжденіе*; повторяя его, вступая изъ-за него въ споры, питая его раздраженіемъ и самолюбіемъ, мы упорно къ нему привязываемся; и потомъ нерѣдко, изъ-за одного самолюбія, стремимся подчинить этому взгляду свои и чужія сужденія, свои и чужіе поступки. Опять заблужденіе, которое становится нерѣдко роковымъ для цѣлой жизни, губить простоту мысли, чувства, отношеній, отнимаетъ у насъ истинную свободу и, направляя насъ на *рабскій* путь мысли, заставляетъ считать его *царскимъ* путемъ.

Не такъ дешево достаются человѣку *убѣжденія*: они—плодь цѣлой жизни, плодь мысли—послушной гласу истины. Присмотритесь внимательно къ жизни и къ людямъ: развѣ наша жизнь зависитъ отъ мыслей или *убѣжденій* нашихъ—большею частью случайно усвоенныхъ нами, случайно правыхъ и случайно неправыхъ? Нѣтъ, вѣрнѣе

сказать, что убѣжденія наши и мнѣнія зависятъ отъ нашей жизни, отъ привычекъ, въ которыя мы вошли, отъ нравственной нашей наклонности въ ту или другую сторону. Люди думаютъ такъ или иначе потому, что жизнь ихъ приняла тотъ или другой характеръ, а мнѣніе слагается послѣ, какъ оправданіе или изъясненіе жизни и привычки.

Мы видимъ, сколько въ наше время людей повидимому ученыхъ и убѣжденныхъ, которые въ ученіи своемъ, отвергая безсмертіе, повторяютъ старое разсужденіе человѣческое, бывшее еще у Коринѳянь: «станемъ ѣсть и пить: завтра умремъ». Что же эти люди — съ чего они начали — съ убѣжденія или съ жизни? Они начали съ того, что привыкли ѣсть и пить, т. е. предаваться матеріальнымъ наслажденіямъ, не сдерживая себя, не заботясь о духѣ и о будущей жизни. А пришли къ тому, что обобщили свой навѣкъ, оправдали передъ собою жизнь свою, возведя ее въ ученіе: жизнь коротка; завтра грозитъ смерть. За смертію ничего дальше не видно. Станемъ ѣсть и пить — завтра умремъ.

Вотъ еще примѣръ. Въ наше время нравственной распущенности распространилось ученіе фатализма въ судьбѣ и въ дѣйствіяхъ человѣческихъ. Живая философія проповѣдуетъ, что дѣйствія человѣческія суть не что иное какъ слѣдствіе причинъ, зависящихъ не отъ воли, но отъ среды и обстоятельствъ: схвативъ такое ученіе, каждый можетъ снимать съ себя отвѣтственность за дѣла свои и возлагать ее на такъ называемую *среду*: кто сталъ на эту точку зрѣнія, тотъ можетъ дойти до отрицанія совѣсти, до смѣшенія добра съ зломъ, до безотвѣтственности за преступленіе. И не диво встрѣтить людей, которые, едва начиная жить, живутъ уже безсовѣстно, и повторяютъ съ чужаго голоса: таково мое *убѣжденіе*. Люди эти, повторяя одни и тѣ же слова и упорствуя въ своемъ сло-

въ, кончаютъ иногда тѣмъ, что приобрѣтають упорство мысли, замѣняющее имъ истину убѣжденія. Но гдѣ начало этого такъ называемаго убѣжденія? Не въ убѣжденной мысли, а въ дурномъ навѣкѣ, въ расслабленіи воли, въ своекорыстномъ и сластолюбивомъ желаніи. Кто довель себя до расслабленія воли, тотъ, чувствуя себя безсильнымъ, привыкаетъ сваливать все на судьбу свою. Сходясь чаще и чаще съ подобными себѣ, онъ вырабатываетъ цѣлое ученіе въ соотвѣтствіе съ своей жизнью, и какъ мы видимъ къ несчастью, — кончаетъ иногда тѣмъ, что за все, что не удовлетворяетъ его въ жизни, раздражается до ненависти на весь міръ и на дѣла общества съ уставами его и законами. Поищите корень этого зла — найдете его въ гордости, въ отсутствіи любви и послушанія, къ которому приводитъ любовь. А начало послушанія таково: желаніе и добрая воля *творить волю Божию*, желаніе быть вѣрнымъ подданнымъ того Царя, кто сказалъ: «иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего».

Разумѣть истину — совсѣмъ не то значить, что *имѣть свое мнѣніе*. Я *имѣю мнѣніе* о предметѣ, когда узнаю, что другіе объ немъ думаютъ. Я *разумѣю* только тогда, когда сама *ощущаю* въ себѣ истину. Читаю ученое сочиненіе, въ которомъ тонкій умъ съ помощью искуснаго слова собралъ и расположилъ самыя убѣдительныя доказательства объ истинѣ христіанской вѣры; читаю, и нахожу, что дѣйствительно всѣ предположенія приводятъ къ убѣжденію въ истинѣ христіанства. Вотъ — *мнѣніе*, но это еще не разумѣніе истины. Надобно *ощущать* Бога. А путь къ этому одинъ: съ желаніемъ твори волю Божию, и когда она въ глубинѣ души твоей скажется живымъ голосомъ внутренняго закона, тогда ты будешь имѣть не мнѣніе только, — а *уразумѣешь* воистину, что есть Богъ. Вотъ истинное убѣжденіе, вотъ истинная вѣра. Вотъ почему не нужно быть ученымъ, не нужно

имѣть внѣшнее знаніе, для того чтобы узнать Бога: требуется только имѣть сердце простое и волю свою отдать въ послушаніе истинѣ. Пусть всѣ ученые въ мірѣ, всѣ химики, фізіологи и геологи придутъ ко мнѣ и скажутъ: мы прошли поднебесную испытующую мысль: ни въ законахъ химическаго сродства, ни въ наслоеніяхъ коры земной, созданныхъ вѣковою работою природы, ни въ строеніи тѣла человѣческаго мы не нашли слѣдовъ живаго Бога или указаній на бытіе Его. Я скажу имъ въ отвѣтъ: я и прежде зналъ, что не найдете. Чего око не видитъ и ухо не слышитъ, къ тому не приведетъ меня внѣшнее чувство. Нѣтъ иного пути къ познанію Бога, кромѣ послушанія волѣ Божіей. И какое благо, какая мудрость, что Богъ такъ устроилъ! Что стало бы съ родомъ человѣческимъ, когда бы истина была достояніемъ однихъ ученыхъ, плодомъ одного внѣшняго знанія, когда бы вѣра основывалась на доказательствахъ—чудесъ и пророчествъ. Совсѣмъ напротивъ: истина—достояніе простаго сердца. «На кого воззрю, говоритъ слово Божіе, —только на кроткаго и молчаливаго и слушающаго словеса Моихъ». «Наставитъ *кроткія* на судъ свой, научитъ *кроткія* путемъ своимъ». Всякій, кто пожилъ на свѣтѣ и вдумывался въ жизнь, знаетъ на опытѣ, кого изъ встрѣченныхъ въ жизни людей назоветъ онъ лучшими, объ комъ хранить самую отрадную память. Навѣрное—то люди простые, въ смиреніи вѣрующіе и дѣлающіе добро. Они не умѣютъ доказывать по книжному христіанскую истину, но *знаютъ*, что Христосъ Богъ Искупитель; не умѣютъ философствовать о добрѣ и злѣ, но живымъ дѣломъ любви дошли до живаго ощущенія добра и зла; не могутъ объяснить, что такое «матерія», но знаютъ, что въ нихъ живетъ духъ безсмертный. Люди эти по большей части живутъ и умираютъ безвѣстными (я встрѣчалъ по темнымъ угламъ такихъ священниковъ, при-

четниковъ, учителей), оставляя свѣтлый слѣдъ лишь на томъ мѣстѣ, гдѣ они жили; но какъ чистъ и свѣтелъ нравственный ихъ образъ! Блаженны простые люди; но еще блаженнѣе тотъ, кто, пройдя далекимъ и широкимъ путемъ въ науку и выбравшись на большую дорогу жизни и почести, умѣлъ сохранить въ себѣ простую мысль и смиренное сердце.

VII.

Драгоценное сокровище—знаніе. Великій даръ—природная способность. Но есть свойство выше и драгоценнѣе того и другаго—это даръ *премудрости*, о которой мы слишкомъ часто забываемъ, увлекаясь талантомъ и знаніемъ.

Знаніе—само по себѣ не даетъ еще мудрости. Сколько бы человѣкъ ни изучилъ книгъ, сколько бы фактовъ ни собралъ въ своей памяти, сколько бы ни имѣлъ горькаго опыта въ своей жизни—это еще не премудрость. Много есть людей, которыхъ и горькіе уроки жизни ничему не научили. Много есть людей, о которыхъ сказано еще апостоломъ Павломъ: учатся всю жизнь и никогда не могутъ придти въ разумъ истины.

Мудрость—свойство не одного ума, но по преимуществу свойство сердца: плодъ нравственной зрѣлости въ душѣ человѣческой. Съ мудростью соединяется серьезное отношеніе къ жизни, *вдумчивость*, обращенная не къ теоріи или фантазіи, но къ дѣйствительности, къ практикѣ жизни. Многихъ людей съ обширнымъ знаніемъ и опытомъ, жившихъ въ пространномъ кругѣ, видѣвшихъ много и свѣта и людей—можно назвать скорѣе безумными, чѣмъ мудрыми. Мудрыми можно признать множество такихъ людей, которые жили всю жизнь на одномъ мѣстѣ, рѣдко и недалеко выѣзжая, мало читали, но думали много и глубоко чувствовали,—и нажили себѣ царскую, Соломонову мудрость, то есть сердце, которое вдумывается

въ жизнь, старается уразумѣть великую ея тайну, не для того, чтобы ораторствовать о жизни, не для того, чтобы философствовать и строить теорію жизни, но для того, чтобы *жить и умереть, какъ слѣдуетъ*.

Притомъ еще—не бываетъ мудрость безъ *любви*. Любовь раскрываетъ сердце, даетъ ему широту и благородство, вводитъ его въ тайны, недоступныя научному знанію. Посмотрите, на примѣръ, какое таинство любви въ этихъ словахъ: «блаженнѣе есть паче даяти нежели приимати». Какая наука въ состояніи дойти до такого вывода, какое благоразуміе житейское можетъ научить ему? А въ этомъ словѣ великая истина любви и великая мудрость. Вспомните исторію богатаго человѣка, у котораго случился такой урожай, что некуда было дѣвать хлѣба. Онъ придумалъ сломать старую, тѣсную житницу и выстроить новую, большую. Онъ хотѣлъ сохранить для себя свое богатство и обезпечить себѣ жизнь въ изобиліи. Казалось бы, что можетъ быть благоразумнѣе, что можетъ быть согласнѣе съ правилами хозяйства, съ началами политической экономіи? Сосѣди, безъ сомнѣнія, говорили объ немъ: какой мудрый хозяинъ! какой благоразумный человѣкъ. А слово Божіе называетъ его *безумнымъ*.

(Окончаніе будетъ).

СОДЕРЖАНІЕ: Отдѣлъ официальный.—Правительственныя постановленія и распоряженія.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Отдѣлъ неофициальный.—Поученіе Преосвященнаго Сиканора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго.—Доброе слово воспитанникамъ духовныхъ семинарій и академіи по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій.

Редакторъ, преподаватель семинаріи Ивась Любимовъ.

Печатать дозволяется. Уфа, 15 сентября 1881 г.

Цензоръ Каѳедральный Протоіерей Павелъ Желателевъ.

Губернская Типографія.